

*Детство никогда не уходит из жизни,
оно имеет особенность возвращаться:
в воспоминаниях, во снах, в мыслях,
в мечтах, в поступках, многие из которых
хотелось бы изменить, но...*

ПЕРЕДЕЛКИНО, БАКОВКА, СЕТУНЬ...

Автомобильный навигатор прокладывает маршрут из Москвы в Переделкино так: 20-й километр Минского шоссе, левый поворот перед указателем «Баковка», через 500 метров – левее по Будённого-скому шоссе, далее – прямо.

С раннего детства благодаря бабушке слова Баковка, Переделкино, Сетунь, дача Будённого были для меня привычны, хотя жили мы в то время совсем в другом районе Подмосквья. Но впервые мне довелось увидеть эти места в 1967 году – за несколько дней до смерти мамы.

Здесь, на Баковке, она родилась и выросла в доме, в котором жили её родители: отец, Борис Болеславович Черский, и мама, Елена Михайловна. В поэтажном плане на 1930 год адрес строения значится как «п. Баковка, Думновский проезд, д. № 1». Под Думновским проездом на плане написано карандашом: «Будённый». Кто такой Будённый, я не знала, но в рассказах бабушки эта фамилия звучала часто. Дачный участок в сорок соток спускался к оврагу, захватывая кусок леса, а за ним и была дача Будённого.

Здесь, прямо в саду, бабушка по утрам собирала белые грибы. К этому она приучила и меня, только уже в другом лесу, на канале имени Москвы, так как жили мы на его пересечении с рекой Клязьмой. Мои детские впечатления во многом связаны с реками. Отец прошёл путь от кочегара до капитана речного флота. Мама была коком, работая с ним в паре. Ходили они на самоходных баржах по Волге, от Москвы до Астрахани.

Моё беззаботное, счастливое детство запечатлелось в памяти катанием на санках и лыжах с горки на берегу канала, летними походами с бабушкой в лес за земляникой, грибами, цветами по берегу всё того же канала. В корзинке у неё всегда была припасена для меня бутылка какао и блинчики. Именно во время отдыха, во время этих перекусов, она вспоминала своё отрочество и молодость, проведённую в Баковке.

Самые яркие моменты были, конечно, связаны с купанием в речке. Для меня это была Клязьма, а для бабушки – Сетунь. Когда бабушка

что-то делала, готовила или обустроивала для меня небольшой садик (2,5 на 4 метра) под окном нашей комнаты в коммунальной квартире, то всегда говорила о Баковке. В памяти сохранились обрывки: «А вот на Баковке у нас был великолепный сад... отец был садовником... дорожки в саду были посыпаны кирпичной крошкой... на Рождество запекали гуся с яблоками... на мартовский снег для отбеливания расстилали постельное и столовое бельё... венчались в Переделкинской церкви, в руках у меня был букетик орхидей... один из церковных певчих потом пел в Большом театре... на лавочке в нашем саду любил отдыхать Демьян Бедный...»

Будучи взрослой, я и предположить не могла, что, кроме этих радужных воспоминаний, с Баковкой связаны и одни из самых трагических дней в жизни Елены Михайловны... Десятилетия спустя мне с детьми и мужем доведётся восстановить эти и другие эпизоды из истории нашей семьи за последние 300 лет.

В 1997 году в моей жизни произошли крутые перемены, которые три года спустя привели меня с моим одиннадцатилетним сыном в Переделкино, в музей Бориса Пастернака. Я не могла проехать мимо Баковки, где была всего однажды с родителями в 1967 году, и, к счастью, успела показать сыну частично сохранившийся деревянный дом и сад. В 1934 году мой дед, отбыв наказание по 58-ой статье, вернулся сюда к своей семье. В это же время Борис Пастернак отдыхал с семьёй в усадьбе родителей моего деда – бывшем имении генерала Мирковича в Тульской области, в местах, где прошло его детство, откуда он ушёл воевать в составе конницы Будённого... Об этой усадьбе и пойдёт ниже речь.

Мне же тогда особенно интересно было выяснить, какие произведения написал Б.Л. Пастернак в 1934 году, во время того самого летнего отдыха в Доме советских писателей в Одоеве (рядом с его домом на Волхонке тогда открытым способом рыли метро). А 22 ноября 2001 года на вечере, посвящённом 90-летию основания Государственного музея Л.Н. Толстого, мне представилась возможность задать тот же вопрос сыну Б.Л. Пастернака – Евгению Борисовичу Пастернаку. Ответ был таков: «В это время папочка занимался переводами...» Так и состоялось наше знакомство.

Евгению Борисовичу стало любопытно, чем вызван мой интерес к личности его отца. Когда я объяснила, что связывает нашу семью с бывшим Домом отдыха, вопросы были уже ко мне. Оказалось, Евгений Борисович вместе с мамой в 1936 году также там отдыхал: «Папочка нам купил путёвки». Потом мы не раз встречались в его квартире на улице Сивцев Вражек. Было очень трогательно слышать, как он каждый раз называл Бориса Леонидовича Пастернака папочкой. Показывая нам гирлянду из бумажных флажков на новогодней ёлке, он говорил: «Это папочка подарил на Новый год»...

С той одоевской поры сохранились свидетельства и в письмах самого Бориса Леонидовича: «Повторяю, жаловаться не на что, и даже напротив, – неожиданно всё хорошо. Мы ехали очень трудно, как всегда это бывало в России, по захолустьям, в стороне от прямых и главных магистралей. Ведь лето стояло чудное. В Тульской губернии (!), не в Крыму где-нибудь, я до конца сентября в реке купался. А тут неожиданно пошли по утрам заморозки, и целодневные дожди развезли дороги».

1. (Отрывок из письма Б.Л. Пастернака родителям (02.10.1934) // Борис Пастернак. Письма к родителям и сестрам 1907–1960. – Под ред. Е.Б и Е.В. Пастернаков. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 896 с.)

Итак, мы записывали мемуары Евгения Борисовича о пребывании в Доме отдыха, беседовали о бывших владельцах усадьбы. Глядя на взрослого мужчину с таким богатым жизненным опытом, который так трепетно рассказывал об отце, а, по сути, дарил нам истории из своего детства, я ощущала, как это придаёт ещё большую ценность моим собственным воспоминаниям, а тем более чудом сохранённым бабушкой семейным документам и архивам.

Ещё до того, как я пошла в школу, бабушка поделилась со мной эпизодами из той, как она говорила, другой жизни. Так я впервые узнала про Одоев, увидела детские фотографии своего деда на фоне дома с колоннами, его родителей. Рассказала она и про туалетный столик с несколькими сохранившимися на нём стеклянными безделушками, который ей подарила на свадьбу свекровь, Мария Александровна Миркович.

В 1931 году дача на Баковке, где жили бабушкины родители с братьями и сёстрами, сгорела. Там хранилась и часть вещей самой бабушки, поскольку в её крошечном доме, в котором она жила отдельно со своей семьёй, места не хватало. Говоря о пожаре, она с сожалением вспоминала об одной книге – о Демидовых. Иногда это вызывало у меня удивление: сгорел дом в двенадцать комнат, а она всё о какой-то книге жалеет. Упомянула она однажды и про колечко с зелёным камушком. Мария Александровна в свой последний приезд в Баковку в 1931 году подарила его на память своей трехлетней внучке – моей маме. В дальнейшем с ним будет связана целая история.

Мне этого кольца никто не дарил. Я стала его носить в память о маме, когда её не стало. В июле 1969 года кольцо потерялось в организации, где я проходила студенческую практику. Спустя месяцы одна из сотрудниц, сокрушаясь по поводу утраты, произнесла: «Ну что, не нашлось кольцо? Надо же какие люди, сироту обидели». Я себя сиротой не считала. У меня была бабушка, отец. Но было больно это услышать, ведь я понимала, что кольцо взял кто-то знакомый, и что-то в её голосе было очень неприятное, чувствовалась какая-то неискренность.

Прошло 22 года. В день так называемой «Павловской реформы» – отмены хождения 50 – и 100-рублевых купюр – я случайно в аэропорту Шереметьево обнаружила его на руке одной моей знакомой, дочери той самой сочувствовавшей мне женщины... В судьбе её семьи тоже произошла страшная трагедия. Она потеряла старшую дочь и зятя, а внучка осталась круглой сиротой. Она училась в одном классе с моей дочерью. Именно эта трагедия и уже почти полузабытые слова о сиротстве меня особенно потрясли.

Знакомую не удивил мой интерес к её кольцу, она охотно дала мне его посмотреть со словами, что ей понятен мой интерес, так как оно старинное, семейное. Много позже её мама скажет мне: «Я же твоё кольцо ремонтировала, надо компенсировать...» Когда была утрачена одна из жемчужин, она обратилась в ювелирную мастерскую, там ей и объяснили, что это за кольцо. Я предположила, что дочь могла и не знать, как оно оказалось у них в семье. Но я понимала, что если о моём интересе признает её мама, кольца мне не видать.

Разжать пальцы руки, в которой лежало фамильное кольцо, удалось только после прибытия милиции, которую я сама потребовала вызвать.

Отличительные черты не позволяли спутать его с сегодняшними фабричными изделиями. Оно не представляло особой материальной ценности. В центре розетки кольца был маленький зелёный камушек, как потом выяснилось, зелёный гранат, в обрамлении мелких жемчужин. Мой отец, вызванный в милицию для опроса, рассказал по памяти все особенности кольца – в 1957 году он вместе с мамой отдавал его на реставрацию в мастерскую в Столешниковом переулке. «Она очень дорожила им, это была её память, память детства», – так он мне сказал, когда узнал о его пропаже. Это были сильные и понятные мне слова. Однако в тот раз кольца мне не вернули, оно осталось в милиции. Через 11 лет, когда мне стали известны многие подробности из жизни моих родных, это кольцо приобрело другой смысл, стало для меня памятью предков, которую я снова обрела в 2002 году.

УСАДЬБА МИРКОВИЧА: ПОТОМКИ ВОССТАНАВЛИВАЮТ ИСТОРИЮ

Мы с мужем впервые приехали в Одоев 6 мая 1997 года, не зная, ни кем были наши предки, ни сохранились ли здесь хоть какие-то следы их пребывания. С собой была лишь семейная фотография Дома с колоннами. Первой мы посетили Троицкую церковь, и это послужило для меня хорошим предзнаменованием (я родилась с этой фамилией – Троицкая). Здесь нам посоветовали обратиться в музей Одоева.

В местном краеведческом музее мы увидели знакомую фотографию. Нам пояснили, что на снимках – «Дом генерала Мирковича», сохранившийся до наших дней. Но никаких сведений ни о самом генерале Мирковиче и иных владельцах дома, ни об истории усадьбы практически не было. Было известно лишь то, что происходило после событий 1917 года: сначала в «Доме Мирковича» была открыта школа крестьянской молодёжи, в тридцатых годах образовался Дом отдыха советских писателей, где и отдыхал Б.Л. Пастернак и другие известные литераторы, а с 1953 года – детский дом.

На той фотографии нам впервые предстала дворянская усадьба XIX века, с главным домом, хорошо сохранившимся флигелем, приусадебной церковью, парком, прудом и частью ограды из белого камня. Расположенная в селе Николо-Жупань, она так и вошла в историю Тульского края как усадьба Мирковича.

Имение расположено в двух километрах от Одоева, на высоком левом берегу реки Упа, впадающей в Оку. Главный усадебный дом, построенный в традициях русского классицизма, стоит почти на самом краю обрыва, на искусственно обустроенном берегу.

Это прямоугольное здание с двухэтажной средней частью. С северной и южной сторон к нему примыкают одноэтажные боковые крылья, состоящие из двух уменьшающихся к краю частей; с восточной и западной сторон имеются тождественные шестиколонные дорические портики, поддерживающие балконы второго этажа. Из архитектурных деталей сохранились в крайних пристройках у торцов дома тройные «палладианские» окна, над окнами первого этажа – козырьки. Подо всем домом

имеется подвал – цокольный этаж. Потолок в нём сводчатый и держится на опорных колоннах. По воспоминаниям местных жителей, дом венчал бельведер, а подъезд к нему с западной стороны осуществлялся по широкому пандусу. Судя по документам, в доме было анфиладное расположение комнат, и было их тридцать-девять.

Из других построек усадебного комплекса сохранились приделы храма святителя Николая Чудотворца, руины людской, бывшая воскресная школа (сейчас используется как жилой дом), остатки риги, фрагменты фундамента конюшни. От парка уцелели несколько старых лип, покореженные временем старые ветлы вокруг бывших прудов да часть ограды из белого природного камня, некогда окаймлявшей всю усадьбу.

А вот что писали тульские «Губернские ведомости» в конце XIX века о Никольском храме в селе Николо-Жупань (в сокращении):

Никольское село, по-видимому, именуется по храму. Можно догадаться, что оно исстари было вотчиною знаменитых бояр Стрешневых, занимавших важные посты еще при Иоанне IV и отце его, Василии.

Что в XVII столетии Николожупанская церковь существовала, тому есть следующие несомненные доказательства: 1). В отказной книге 24 марта 1701 г., хранящейся у владельца, где Жупань показана вотчиною боярина Ивана Фёдоровича Стрешнева, вдовы Настасьи Ивановны Стрешневой, церковь каменная уже значится; 2). Когда поправляли храм святителя Николая, то под престолом его нашли в ящичке антиминс, на котором было написано: «Сей антиминс для церкви Чудотворца Николая священнодействован Преосвященным Евфимием, митрополитом Сарским и Подонским, при державе благочестивейших великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея великия и малыя белыя России самодержцев, и при великом господине святлейшем к... Иоакиме (Савёлове), патриархе Московском и всея Руси, лето мироздания 7190, от Рождества Христова 1682...».

В 1822 г. небольшой Никольский храм, имевший продолговатую форму, существовал в своём древнем виде; но в этом году генералмайорша Елизавета Петровна Чичерина, владельница села с дочерью своею, трапезу распространили, и в южной стороне её устроили придел во имя Святого Благоверного князя Александра Невского. За тем, период времени с 1826 по 1828 г., является истинным временем обновления и улучшения Никольской церкви; усердием гвардии полковника Александра Яковлевича Мирковича и супруги его Екатерины Александровны (урожденной Чичериной), делаются по церкви следующие капитальные перестройки: вся разобранная трапеза закладывается по более обширному плану, в северной стороне её сооружён придел во имя Владимирской Божией матери, а устроенный до сего в южной стороне придел Св. Александра Невского, по распространению трапезы, для соблюдения симметрии, перенесён ещё далее в южной стороне. Пол вместо деревянного устроен каменный. В настоящую церковь пробита высокая арка. Вся холодная церковь, надстроена, и глава её возвышена. Древний алтарь Никольской церкви, для симметрии, пристроен и над ним сделана ризница...

На место старой разобранной ограды выстроена новая, каменная, в столбах с решётками и двумя воротами (на запад и юг). На обоих воротах поставлены позолоченные кресты с яблоками. Внутри ограды разведён цветник, и так как церковь, расположенная на самом видном

месте, примыкает к дому владельца, то она стоит как бы на краю тенистого сада. Кладбище около ограды, с северной стороны; все усажено деревьями.

В таком виде церковь существует и теперь, поддерживаемая со стороны благолепия, сыном строителя – полковником Александром Александровичем Мирковичем, сам строитель здравствует и теперь, и живет около Калуги...

С тех пор, работая в архивах и библиотеках различных городов и даже других стран, мы собрали сотни страниц материалов и на их основе восстановили историю рода, уходящую в петровские времена.

В эпоху Ивана Грозного село было вотчиной знаменитых бояр Стрешневых. В конце XVIII века оно перешло к роду Чичериных – калужскому предводителю дворянства генерал-майору Александру Николаевичу Чичерину и его супруге Елизавете Петровне, урожденной Демидовой, праправнучке Никиты Демидова, основателя рода, сумевшего создать в России целую сеть металлургических предприятий. Сама Елизавета Петровна была переводчицей и писательницей. Её имя вошло в «Словарь русских писателей XVIII века».

Их дочь, Екатерина Александровна Чичерина, вышла замуж за Александра Яковлевича Мирковича (1792–1888), который по послужным спискам за 1816 и 1820 годы «писался из российских дворян и дворян Санкт-Петербургской губернии». Отец его, Яков Степанович Миркович, происходил из древнего сербского рода. В молодости он переселился в Польшу, а в 1760 году – в Россию, где поступил в легко-конный полк. Не имея средств содержать себя в кавалерии, перед производством в офицеры он перешёл на гражданскую службу в Петербургскую таможенную. В 1790 году был назначен в пограничную Толочинскую таможенную главным надзирателем, а в 1796 году – директором Брестской таможни. В 1800 году, по увольнению, Якова Степановича пожаловали в статские советники с правами поступления двух сыновей, Фёдора и Александра, пажами на службу к Высочайшему двору.

В марте 1805 года оба брата были приняты в Пажеский корпус и блестяще его окончили. На военную службу оба вступили из камер-пажей двора Его Императорского Величества в Конный полк Лейб-гвардии; Фёдор Миркович – 20 декабря 1809 года подпоручиком, а его брат Александр – 2 декабря 1810 года (в возрасте 17 лет) поручиком.

С первых дней Отечественной войны 1812 года «первый и второй Мирковичи» принимали участие в сражениях, а затем и в заграничных походах 1813–1814 годов. Несмотря на ранение, полученное Фёдором в Бородинском сражении, оба брата дошли до Парижа. В 1812 году А.Я. Миркович принимал участие в сражениях при Витебске, Смоленске, Бородине; в 1813 – при Люцине, Бауцене, Дрездене, Кульме, под Лейпцигом; в 1814 – при Бриене, Фер-Шампенуазе, при взятии Парижа.

Среди наград Александра были: орден Св. Анны 4-й степени (на холодном оружии); орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и знаком отличия королевского прусского железного креста (т.н. Кульмский крест); золотую шпагу с надписью «За храбрость»; орден Св. Анны 2-й степени и императорскую корону к этому ордену; Рескрипт и табакерку с бриллиантами и вензелем Его Высочества; орден Св. Владимира 3-й степени; знак отличия за XV лет беспорочной

службы; орден Св. Георгия 4-й степени за 25 лет службы в офицерских чинах; а, кроме того, медали в память войны 1812 года и за взятие Парижа.

В январе 1823 года Александр Миркович вышел в отставку в звании полковника. По личному приглашению СанктПетербургского военного генерал-губернатора Кавелина 1 октября 1843 года он вновь поступил на службу офицером при нём для особых поручений. В ноябре 1847 года был назначен заседающим в общее присутствие Комиссариатского департамента военного министерства с правом голоса и оставлением по кавалерии. За отличие по службе Александр Яковлевич был произведён в генерал-майоры и отставлен с мундиром и пенсией в 1854 году. В 1874 году был награжден бронзовой медалью в память «Столетнего Юбилея Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия».

12 октября 1817 года, «в день 5-летней годовщины оставления французами Москвы, Александр Яковлевич Миркович присутствовал на закладке храма Христа Спасителя. А спустя 66 лет, в 1883 году, генерал-майор, Георгиевский кавалер Александр Яковлевич Миркович получил приглашение присутствовать при торжестве освящения этого храма. По окончании церемонии в самом соборе он удостоился быть представленным царствующему тогда Государю Императору Александру III»². (Спустя годы нашей семье станет известно, что некоторые из перечисленных наград будут значиться в списках конфискованных вещей у потомков А.Я. Мирковича, осужденных в годы репрессий по 58 статье, приговоренных кто к высшей мере наказания, а кто к длительному сроку осуждения и впоследствии посмертно реабилитированных).

Братья Мирковичи состояли в родственных отношениях с одной из ветвей рода Демидовых. Внук Петра Григорьевича и Екатерины Алексеевны Демидовой, урожденной Жеребцовой, Денис Алексеевич Демидов, был женат на дочери Фёдора Яковлевича, Марии Федоровне Миркович, а их внучка Екатерина Александровна Чичерина стала женой Александра Яковлевича Мирковича.

Именно Александр Яковлевич построил в 1851 году в Николо-Жупани усадебный дом в стиле ампир. Вскоре после смерти жены он переехал в своё второе имение в Калужской губернии, а усадьбу в Николо-Жупани оставил своему единственному сыну Александру. После смерти Александра Александровича имение перешло к его жене и трём дочерям.

По свидетельству старожилов, после событий 1917 года единственной усадьбой в округе, которая не подверглась разграблению и уничтожению, была усадьба Мирковичей. Когда народ подошёл к дому, на крыльцо вышла барыня и сказала: «Берите, всё ваше». Никто ничего не взял, так как Мирковичи пользовались уважением среди местных жителей.

Говорят, в приделе Св. Александра Невского в Никольском храме лежали две белые мраморные плиты, как позже нам удалось узнать, со следующими надписями, выбитыми золотыми буквами:

Здесь положено тело устроительницы придела сего, генералмайорши Елизаветы Петровны Чичериной, в монашеском образе преставившейся от рождения своего на 70 году, 22 апреля 1834 г. в первый день праздника Воскресения Христова, по окончании заутрени.

Здесь положено тело устроительницы придела сего, полковницы Екатерины Александровны Миркович, дочери генерал-майора Александра Николаевича Чичерина, преставившейся от рождения своего на 58 году в Санкт-Петербурге 24 сентября 1848 г., преданной земле 16 октября 1848 г.

Нам посчастливилось разыскать правнука Фёдора Яковлевича Мирковича, Фёдора Мирковича, родившегося в 1912 году. Его отец в 1920 году вывез всю семью за пределы России. «...Ему мы, семеро детей, обязаны тем, что получили русское среднее образование и иностранное высшее. Главное, конечно, что мы знали, что ни при каких обстоятельствах мы не должны забывать, что мы русские...», – написал нам Фёдор Петрович. Он верил в создание музея в усадьбе и помогал нам в осуществлении этой мечты, на протяжении нескольких лет присылая материалы из своего семейного архива. Фёдор Петрович познакомил меня со своей племянницей, с которой я продолжаю общаться и после его кончины. Так удалось восстановить прерванную связь времён.

Вот одно из его писем ко мне:

Многоуважаемая Ольга Серафимовна! ГРОМАДНОЕ Вам спасибо за Ваше письмо и фотографии. Столько горького приходится слышать о массовой беспризорности нашей молодёжи и о том, что в её среде так распространяются разврат, наркотики и неизлечимые болезни. Ко всему этому почти продажа за границу тысяч младенцев без гарантии, что об них будут заботиться. Такая радость, благодаря Вам, была увидеть на открытках Вашего сына с одноклассниками и участниц школьного бала в нарядных платьях, улыбающихся. Прошу поздравить от меня Юрия. Интересно, куда он собирается поступать дальше и на какой факультет?.. Заканчиваю свое послание и искренне желаю Вам и Вашему семейству здоровья и всякого благополучия. Искренне уважающий Вас Ф. Миркович 27.08.2006.

В августе 2000 года при поддержке Департамента культуры и Комитета по управлению имуществом Тульской области мы получили разрешение Министерства культуры РФ о передаче нам в долгосрочное безвозмездное пользование памятника истории и культуры федерального значения «Дом Мирковича».

Первым шагом по увековечиванию памяти Александра Яковлевича Мирковича на Тульской земле, по согласованию с Министерством культуры РФ, было установление нашей семьёй в 2001 году мемориальной доски из черного гранита на «Доме Мирковича» следующего содержания:

Памятник истории и культуры Федерального (общероссийского) значения нач. XIX века «Усадьба генерала Мирковича А.Я.» (02.02.1792–22.06.1888) героя Отечественной войны 1812 г., участника Бородинского сражения и заграничных походов русских войск (1813–1814), Георгиевского кавалера. Здесь с 1932 по 1936 г. располагался Дом отдыха писателей, где жили и работали писатели А. Серафимович, К. Тренев, поэт Б. Пастернак. Охраняется государством. Мемориальная доска установлена 4 июля 2001 г. благодарными потомками генерала А.Я. Мирковича.

Лишь в июле 2005 года Постановлением Губернатора Тульской области В.Д. Дудки памятник истории и культуры федерального значения «Дом Мирковича» был передан под создание мемориального музея

Героя Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, участника Бородинского сражения, генерал-майора, Георгиевского кавалера А.Я. Мирковича на баланс АНО «Культурный центр “Усадьба генерала Мирковича”», учредителями которого является наша семья.

Памятник, являющийся собственностью Тульской области (как тогда было заявлено), был передан нашему Центру с обременением. С 2001 года местной администрацией в «Доме Мирковича» были зарегистрированы 24 человека, поэтому она же взяла на себя обязательства по расселению всех жильцов.

После получения в 2000 году разрешения на передачу памятника мы узнали, что здание-памятник использовалось Одоевским домом-интернатом как овощехранилище и общежитие. Забегая вперёд, скажу, что только в декабре 2017 года вопрос о регистрации жильцов в памятнике федерального значения будет решён окончательно, но земельный вопрос, несмотря на все наши усилия, так и останется нерешённым. Все это явилось главным препятствием для налаживания сотрудничества и привлечения инвестиций для проекта по восстановлению «Дома Мирковича», что не позволило нам исполнить охранные обязательства по реставрации памятника.

В 2006 году исполнилось 350 лет со дня рождения Никиты Демидова. Это событие широко отмечалось на Тульской земле – «колыбели династии Демидовых».

В День Одоева, 16 сентября 2006 года, мы впервые провели «День открытых дверей» в усадьбе, где представили экспозицию, посвящённую знаменательной дате. Это произошло по предложению вновь избранного главы Одоевской администрации Евгения Михайловича Чунина. Именно с его лёгкой руки была заложена традиция ежегодно проводить такие встречи. За время его управления (2005–2008) практически был решён вопрос с расселением жильцов из «Дома Мирковича», но затем регистрация жильцов возобновилась.

Вот что написала 22 сентября 2006 года газета Одоевского района «Новая жизнь» в статье «Твоя судьба навек в моей судьбе» за авторством Д. Корочкина, Н. Селиверстова и Ю. Демьяненко:

Солнечной, прозрачной свежестью одарила нас природа в эти дни. Таким же ясным, чистым был день 16 сентября, когда наш посёлок отмечал 626 годовщину своего рождения (точнее, первого упоминания о нём в летописи).

[...] Одоевцы, которые хотели познакомиться с прошлым и настоящим старейшей усадьбы – дома Мирковича в Н.-Жупани, – имели возможность совершить туда экскурсию на специально выделенном для этого автобусе. Организатором выступила и провела её О.С. Троицкая-Миркович.

У самого дома нас уже поджидали местные жители с детьми. Ольга Серафимовна рассказала небольшую предысторию строительства дома и усадьбы. Экскурсанты обошли все владения, за домом открывался потрясающий вид на реку, на Анастасов монастырь. Сам дом, даже находясь в полуразрушенном состоянии, выглядит величаво, стены и колонны с обеих сторон дома ещё хранят весь архитектурный замысел строителей того времени. Нет, к сожалению, каменных

ступеней к реке – их заменили деревянными. Нам предложили подняться на балкон: зрелище – завораживающее.

Была представлена одна из комнат, которую отремонтировали специально к экскурсии – покрашены полы, побелены стены. По крупницам собраны предметы обихода и мебели того времени – старинный сундук, шкаф, стол, зеркало. На стенах были представлены фотографии, на которых запечатлены этапы работы по сбору информации по усадьбе и дома, люди, которые помогали в этом, члены семьи Ольги Серафимовны. Жители Николо-Жупани с удовольствием узнавали себя и своих знакомых на этих снимках. В комнате оформлен стенд членов семьи Мирковичей.

Все, кто пришёл в тот день на экскурсию, знают о заветной мечте Ольги Серафимовны – отреставрировать дом и создать в нём музей. Пусть же эта мечта осуществится.

В преддверии празднования 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года произошло знаковое для нашей семьи событие – удивительная, казавшаяся совершенно нереальной встреча. Нам посчастливилось обнаружить портрет жены Александра Яковлевича, Екатерины Александровны Миркович, урождённой Чичериной, ранее нигде не публиковавшийся. Портрет был написан в 1808 году художником В. Боровиковским. Он хранился в запасниках ГИМа с 1924 года и ни разу нигде не выставлялся, а о героине портрета ничего не было известно. После этой встречи, в рамках программы юбилея, полотно было отправлено на реставрацию, после чего впервые было представлено на выставке «Национальная портретная галерея».

В мае 2008 года деятельность центра «Усадьба генерала Мирковича» была отмечена III Национальной Премией «Культурное наследие» за заслуги в деле сохранения, возрождения и популяризации архитектурного наследия. В июне 2009 года учредители АНО «КЦ “Усадьба генерала Мирковича”» были отмечены Благодарностью министра культуры Российской Федерации А.А. Авдеева за большой вклад в сохранение, возрождение и популяризацию памятников гражданского и культового зодчества России.

В усадьбе был проведён ряд противоаварийных работ. На основе представленных нами архивных материалов межевого дела был разработан проект границ территории усадьбы. Как временная мера, для представления объёма работ, был выполнен студенческий реставрационный проект усадьбы, так как для обращения в лицензированную проектную организацию обязательным условием являлось наличие у объекта земельного участка. (Это нашло подтверждение сегодня, хотя при рассмотрении административных дел это не считалось уважительной причиной).

Помимо работы в архивах и библиотеках, нам повезло застать в живых старожилов, знавших бывших владельцев усадьбы. Одна из них – Екатерина Ивановна Толстикова. Она общалась с моими близкими вплоть до 1937 года, то есть до ареста Елизаветы Червонной, урождённой Миркович, которая будет осуждена по 58-ой статье. Справку о её реабилитации я получу после того, как предоставлю документы, подтверждающие родство со своей двоюродной прабабкой.

Большую помощь нам также оказал Евгений Борисович Пастернак. Его воспоминания о пребывании в усадьбе Мирковича в 1936 году,

после того как там в 1934 году побывал его отец, Борис Пастернак, помогли нам понять, как она выглядела в те годы и что в ней сохранялось на тот период времени.

Помимо таких свидетельств, для экспозиции будущего музея на личные средства семьи собрана коллекция предметов, насчитывающая более трёх тысяч экспонатов как дворянского, так и крестьянского обихода.

В Доме Мирковича на протяжении ряда лет действовали три экспозиционных зала, где была выставлена большая часть этой коллекции. Накопленные исторические материалы легли в основу многочисленных выступлений на научных конференциях, проходивших в Екатеринбурге, Калуге, Нижнем Тагиле, Москве, Петербурге, Хельсинки.

Тульским телевидением с нашим участием сняты документальные фильмы об истории усадьбы Мирковича. К 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года телеканал «Россия» выпустил фильм «Дом с историей. Три дня в усадьбе», рассказывающий о посвящённой этой дате выставке, проходившей в усадьбе в День Одоева.

Так постепенно мы восстанавливали не только своё родовое гнездо, но и память об истории этих мест, приобщая к нашему делу всех желающих помочь и поддержать. К возрождению усадьбы мы с мужем привлекли своих детей – сына Юрия и дочь Юлию (Кужим), которая является художником-эмальером. Она исполнила миниатюрный портрет М.И. Кутузова (в технике финифть), который впервые был показан в музее-заповеднике «Бородинское поле», а в День 175-летия этого музея – в музее-панораме «Бородинская битва» в Москве. К 360-летию юбилею Никиты Демидова Юлия выполнила его миниатюрный портрет, который был продемонстрирован 5 апреля 2016 года на выставке, проходившей в Историко-мемориальном музее Демидовых в Туле.

При участии Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, членом которого я являлась, в храме Христа Спасителя 25 декабря 2012 года проходила выставка «200 лет победы в Отечественной войне 1812 года», на которой также была представлена усадьба Мирковича.

Вот как освящали это событие СМИ: *«...В витринах выставлены подлинные предметы быта начала XIX столетия, портреты героев войны. Большинство из них из собрания музея участника Отечественной войны генерала Александра Мирковича, созданного его потомками. Как рассказала прапраправнучка генерала Ольга Троицкая-Миркович, Александр Яковлевич, в двадцать лет ставший участником войны, присутствовал в 1817 году при закладке храма Христа Спасителя на Воробьёвых горах, где первоначально предполагалось вести строительство, а также в 1883 году в возрасте 91 года был на великом освящении храма...»*

Все учредители нашего Центра за активное участие в создании музея в родовой усадьбе А.Я. Мирковича и установку на главном доме усадьбы мемориальной доски были награждены крестом «За увековечивание памяти Отечественной войны 1812 года».

На сегодняшний день усадебная тема, наконец, стала очень востребована. В связи с проектом «Русские усадьбы» имение Мирковича и его история сегодня вызывает огромный интерес.

При этом, к сожалению, в России никаких грантов на проведение реставрационных работ не существует, а исследовательскую работу мы считали делом своей семьи и помощи не просили.

В июне 2016 года на центральной улице Одоева появились баннеры с изображением исторических достопримечательностей города. Среди них есть изображение памятника истории и культуры федерального значения «Дом Мирковича» (Указ президента РФ Б.Н. Ельцина № 176 от 1995 г.) со следующей подписью – «Дом Чичериных, Миркович»... А до этого у стен «Дома Мирковича» предполагалось строительство стадиона, для чего была спилена реликтовая аллея бальзамических тополей, не дающих пуха.

Но мы верим, что наши труды не напрасны и Дом Мирковича займёт своё достойное место в жизни края и всей страны, став историко-культурным центром. В первых числах июня 2002 года я обратилась с заявлением в ЛОВД аэропорта Шереметьево с просьбой о пересмотре принятого ими в 1991 году решения и принятии постановления о выдаче мне кольца. Подробности описывать не буду, скажу лишь, что два месяца я ходила по инстанциям практически каждый день. Уже при наличии постановления о выдаче потребовалось вмешательство высшего руководства, чтобы сотрудник, отвечавший за хранение изъятых ценностей, его исполнил...

Первого августа 2002 года кольцо было у меня на руке.

Так, спустя 33 года наша семейная реликвия, бывшая в чужих руках 22 года и ещё 11 лет незаконно хранившаяся во властных структурах, вернулась в нашу семью.

Круг ПАМЯТИ замкнулся...

